

ЖЕРТВЫ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Здоровый человек не издевается над другими, мучителем, как правило, становится перенесший муки.

Карл Густав Юнг

В психологической литературе под термином «буллинг» (травля) принято понимать совокупность различных социальных, психологических и педагогических проблем, обуславливающих процесс длительного (группового или индивидуального) физического или психического насилия в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [17]. Стоит отметить, что этому явлению посвящены многие публикации и несколько крупных национальных и международных серверов, таких как Bullying.org, Bullying Online, Stop bullying, Bullying.net и т.д. Существуют также национальные общественные организации по борьбе с буллингом, которые дают систематические консультации по профилактике буллинга и оказывают помощь его жертвам [3].

Как правило, школьная травля (school bullying) как особая форма поведения связана с проблемой утверждения власти в подростковых коллективах и выстраиванием иерархии межличностных взаимоотношений [8]. Последний момент не случаен, поскольку в подростковом возрасте ведущим типом деятельности является межличностное общение [1; 2; 13]. Отношения со сверстниками для подростка являются одной из наиболее значимых жизненных ценностей, а социальная позиция, занимаемая им в классе, во многом определяет его социальное благополучие. Опыт же переживания школьной травли является травмирующим и негативно сказывается на развитии личности подростка, формировании его Я-концепции, самооценке и представлении о себе, а также на системе ценностей и развитии коммуникативных стратегий [4].

Исследователями предпринимались попытки воссоздания типологических характеристик ролей для ситуаций буллинг-поведения. В частности, особое внимание уделялось

изучению роли жертвы. По данным норвежского психолога Д. Олвеуса [16], жертвы травли характеризуются как чувствительные, замкнутые и застенчивые люди. Они тревожны, не уверены в себе, имеют низкое самоуважение [3]. При этом стоит заметить, что поводом для издевательств может послужить любая особенность жертвы: физические недостатки, неоднозначное отношение учителей, психологические особенности. Также поводом для травли может стать низкий уровень доходов семьи или социальный статус, пол или национальная принадлежность.

Буллинг является разновидностью насилия и может выражаться различными способами. Д. Олвеус выделяет следующие виды буллинга: вербальный буллинг, буллинг, направленный на социальное исключение или изоляцию, физические издевательства, распространение лживых слухов о жертве агрессии, отбирание денег или других вещей, их порча теми, кто издевается, угрозы или принуждение выполнять какие-либо действия, расистский буллинг, сексуальный буллинг и др. [16]. Наряду с этими другие исследователи выделяют иные типы буллинга. Особый интерес представляет классификация Д. Лэйна, который выделяет два вида буллинга — психический и физический [5].

Именно распространенность этих типов буллинга мы и попытаемся исследовать в данной работе. В статье будут рассмотрены социально-демографические и социально-стратификационные факторы, которые влияют на отнесение подростка к «группе риска» (в нашем случае — риска оказаться жертвой школьной травли). Помимо этого, мы проанализируем влияние национального статуса и социокультурного контекста обучения на опыт переживания школьной травли. И наконец, особое внимание будет уделено влиянию социального статуса учащегося в группе на его социальное благополучие.

Статья основана на материалах кросс-культурного исследования, проведенного в 2010 году Институтом социологии обра-

зования РАО совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием. Анкетный опрос проводился среди учащихся 9–11-х классов общеобразовательных школ Москвы и 9–12-х классов школ Риги. В данном исследовании приняли участие 993 московских школьника, при этом в Риге были сформированы две подвыборки, одну из которых составили 964 ученика школ, где преподавание ведется на русском языке, а вторую — 975 учащихся школ, где преподавание ведется на латышском языке. Выделение учеников русскоязычных школ в качестве отдельной подвыборки имеет принципиальное значение для данного исследования, поскольку позволяет рассмотреть распространенность буллинга в особом типе национально-ориентированных школ (с учетом остроты и важности национального вопроса в Латвии) и взглянуть на русских в особой социокультурной ситуации — ситуации, когда их официальный статус характеризуется принадлежностью к национальному меньшинству.

Как было отмечено выше, в данном исследовании мы обратимся к двум видам буллинга — психическому и физическому. В соответствии с целями нашего исследования особый интерес представляют учащиеся, которые имеют опыт пребывания в роли жертвы травли в школьном коллективе. Для выявления учащихся, испытывавших психическое насилие со стороны одноклассников, респондентам был предложен закрытый вопрос: «Приходилось ли Вам испытывать на себе насмешки, издевательства или игнорирование со стороны одноклассников?». В качестве ответов были предложены утверждения в следующей формулировке: «Да, такое случается регулярно», «Да, такое иногда случалось» и «Нет». Варианты ответов на этот вопрос фиксируют не только наличие или отсутствие подобного опыта, но и его регулярность или эпизодичность.

Для выявления учащихся, сталкивавшихся с физическим насилием, респондентам задавался вопрос: «Приходилось ли Вам становиться жертвой избиения, нанесения вреда имуществу или принуждения к совершению поступков, которые Вы не хотели делать (например, отдавать деньги, завтраки), со стороны одноклассников?». В качестве ответов были даны те же утверждения: «Да, такое случается регулярно», «Да, такое иногда случалось» и «Нет».

Для нас было важно учесть ответы старшеклассников на оба эти вопроса, чтобы вы-

явить тех учащихся, которые сталкивались с различными сочетаниями психического и физического насилия, и тех, кто чувствует себя благополучно в школьной среде.

ЖЕРТВЫ БУЛЛИНГА: КРОССКУЛЬТУРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

На основе комбинаций ответов школьников на заданные вопросы можно выделить 9 групп учащихся: жертвы регулярного психического и физического насилия, жертвы регулярного психического и эпизодического физического насилия, жертвы регулярного психического насилия, не сталкивавшиеся с физическим насилием, жертвы эпизодического психического и регулярного физического насилия, жертвы эпизодического психического и физического насилия, жертвы эпизодического психического насилия, не сталкивавшиеся с физическим насилием, а также жертвы регулярного или эпизодического физического насилия при отсутствии психического и, наконец, те, кто не сталкивался с насилием вообще (см. таблицу 1).

По данным нашего исследования, менее половины старшеклассников Москвы и Риги никогда не сталкивались с психическим или физическим насилием. Эту группу составляют те школьники, чья жизнь в коллективе является наиболее благополучной. В Москве не подвергались насилию со стороны одноклассников 42,8% учащихся. При этом обстановка в русскоязычных школах Риги выглядит более благополучной, чем в школах, где преподавание ведется на латышском языке (в первом случае с насилием не сталкивались 46,3% учащихся, а во втором — 40,8%, $p = .02$). Одновременному регулярному психическому и физическому насилию чаще подвергаются учащиеся школ с преподаванием на латышском языке (1,4%), чем учащиеся русскоязычных школ (0,0%, $p = .0003$).

С эпизодическим психическим и физическим насилием чаще всего сталкиваются также учащиеся рижских школ с преподаванием на латышском языке, в то время как среди московских школьников таких 4,0%, а среди учащихся школ с преподаванием на латышском — 7,2% ($p = .003$). Эпизодическое психическое насилие является наиболее распространенной формой насилия среди подростков.

На наш взгляд, важно также отметить, что в ответах учащихся рижских школ с преподаванием на латышском языке проявилось влияние национального статуса учащихся

Таблица 1

Распределение ответов московских и рижских школьников на вопрос о наличии у них опыта пребывания в роли жертвы буллинга (%)

Виды насилия	Учащиеся московских школ	Учащиеся школ Риги, где преподавание ведется на русском языке	Учащиеся школ Риги, где преподавание ведется на латышском языке
Регулярное психическое / регулярное физическое	0,7	0,0	1,4
Регулярное психическое / эпизодическое физическое	0,9	1,0	0,8
Регулярное психическое / нет физического	3,0	1,8	2,3
Эпизодическое психическое / регулярное физическое	0,0	0,0	0,4
Эпизодическое психическое / эпизодическое физическое	4,0	5,1	7,2
Эпизодическое психическое / нет физического	46,6	44,9	45,8
Нет психического / регулярное физическое	0,1	0,2	0,2
Нет психического / эпизодическое физическое	1,8	0,6	1,1
Нет психического / нет физического	42,8	46,3	40,8
N	948	937	944

на их самочувствие в школьном коллективе. Так, представители национальных меньшинств в школах для национального большинства значительно чаще подвергаются регулярным насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны одноклассников, чем представители национального большинства (11,1% и 4,2% соответственно, $p = .02$). В этой связи можно сделать вывод о том, что принадлежность к более «слабой» социальной группе значительно ухудшает социальное самочувствие школьника, т.к. каждый десятый из представителей национального меньшинства регулярно оказывается в роли жертвы психического насилия со стороны школьного коллектива.

Особое внимание стоит обратить на социальное самочувствие латышей в русскоязычных школах. Представители национального большинства в таких школах (представленные небольшим количеством латышей) значительно чаще, чем дети от смешанных браков или представители национального меньшинства, отмечают, что становились жертвами избиения, нанесения вреда имуществу и принуждения к совершению поступков, которые они не хотели совершать (31,3% представителей национального большинства, 9,0% детей от смешанных браков и 5,7% представителей национального мень-

шинства, $p \leq .009$). Таким образом, каждый третий латыш, обучающийся в школе для национальных меньшинств, когда-либо подвергался физическому насилию со стороны одноклассников. Этот тревожный результат говорит о том, что представители национальных меньшинств в Риге, оказавшись в школе, где они численно превосходят представителей большинства, организуют своеобразную «охоту на ведьм», подавляя и унижая латышей. Вероятно, таким жестоким способом они компенсируют собственную уязвимость и незащищенность в обществе за пределами школы.

Анализируя ответы московских школьников, мы не выявили влияния национального статуса учащегося на его социальное благополучие в школе. Подобный результат указывает на то, что проблема национальности становится более острой в ситуации, когда учебные заведения разделяются по своей ориентации на обучение представителей тех или иных национальных групп.

Как мы уже отметили выше, психическое насилие в школьном коллективе широко распространено, и чаще всего оно не сопряжено с физическим. Стоит особо отметить, что при этом физическое насилие почти всегда сопровождается психическим. Поскольку ответы московских и рижских школьников де-

монстрируют достаточно высокое сходство, в дальнейшем мы остановимся на более подробном рассмотрении ответов московских школьников.

ЖЕРТВЫ БУЛЛИНГА: ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ПОЛА И ВОЗРАСТА

Анализ полученных данных показывает, что девочки чувствуют себя более благополучно в школьном коллективе, чем мальчики. Так, мальчики реже девочек отмечают, что им не приходилось сталкиваться с психическим или физическим насилием (37,2% и 48,4% соответственно, $p = .005$). Вместе с тем они чаще отмечают эпизодическое психическое насилие (50,3% и 42,9% соответственно, $p = .02$) и эпизодическое физическое насилие (3,0% и 0,6% соответственно, $p = .006$). Подобное соотношение ответов мальчиков и девочек, вероятно, можно объяснить большей агрессивностью мужской субкультуры, в которой насмешки или проявления физической агрессии зачастую считаются нормальным явлением и даже поощряются сверстниками.

Не менее важно рассмотреть и возрастную динамику ответов школьников (см. рисунок 1).

Так, с возрастом и у мальчиков, и у девочек наблюдается общая тенденция к увеличению количества подростков, отмечающих, что они никогда не испытывали на себе психическое или физическое насилие со стороны одноклассников, — с 36,0% в 9-м классе до 48,8% в 11-м ($p = .0002$). При этом уменьшается количество подростков, отмечающих, что они иногда испытывали психическое на-

силие со стороны одноклассников — с 51,7% в 9-м классе до 42,8% в 11-м ($p = .009$). Подобная тенденция, на наш взгляд, довольно любопытна, поскольку может фиксировать изменение отношения подростков к ряду форм проявления агрессии. Так, то, что в 9-м классе воспринималось более остро и расценивалось как насмешки и издевательства, с возрастом может восприниматься менее напряженно. Также можно предположить, что перспектива окончания школы и смены коллектива в течение ближайшего года снимает напряженность восприятия тех или иных проблем в общении в пределах данного коллектива.

ЖЕРТВЫ БУЛЛИНГА: ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ДОХОДА СЕМЬИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Перейдем к рассмотрению влияния социально-стратификационных факторов на социальное самочувствие московских школьников. Распределение ответов учащихся из семей с разным уровнем дохода приведено на рисунке 2.

Как видно из рисунка, существует отчетливая тенденция влияния уровня материального благополучия семьи на опыт пребывания подростков в роли жертвы буллинга: чем выше уровень доходов семьи, тем комфортнее чувствует себя подросток в школе. Дети из высокообеспеченных семей чувствуют себя наиболее благополучно среди сверстников — они чаще отмечают отсутствие психического и физического насилия (48,8%), при этом на долю среднеобеспеченных и малообеспеченных подростков приходится соответственно 40,2% и 34,3% таких ответов ($p \leq .05$). С регулярным психическим и физическим насилием в школьном коллективе чаще сталкиваются дети из малообеспеченных (2,9%), нежели высокообеспеченных семей (0,0%, $p = .006$). Аналогичная тенденция проявляется и в отношении детей, отмечающих регулярное психическое насилие в школе: малообеспеченные — 8,6%, высокообеспеченные — 0,8% ($p = .001$).

Наибольшую тревогу вызывает тот факт, что каждый восьмой подросток из малообеспеченной семьи (и этот результат в три раза превышает средний по выборке) регулярно подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны одноклассников. Эти данные вскрывают серьезную социальную проблему современного общества, когда материальное благополучие определяет социальное самочувствие подростка

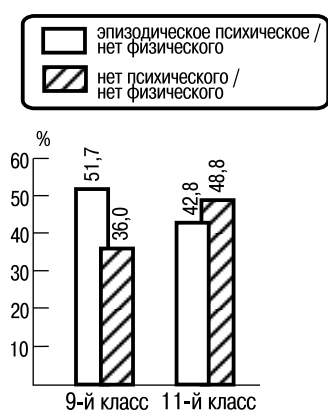

Рисунок 1

Распределение ответов московских школьников на вопрос о наличии у них опыта пребывания в роли жертвы буллинга в зависимости от возраста (%)

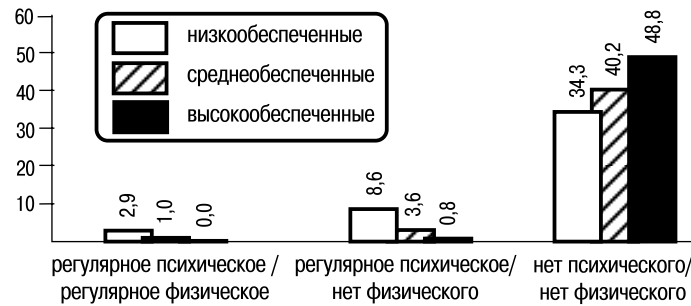

Рисунок 2

Распределение ответов московских школьников на вопрос о наличии у них опыта пребывания в роли жертвы буллинга в зависимости от уровня дохода семьи (%)

в учебном заведении. Это явно противоречит декларируемым целям и принципам школьного образования, которое ориентировано на предоставление равных условий обучения всем детям.

Характерно, что схожие результаты были получены нами и при анализе влияния уровня образования на социальное самочувствие подростков в школе. Так, каждый восьмой школьник, чьи родители имеют только среднее образование, регулярно подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны одноклассников.

Дети, чьи родители имеют только среднее образование, значительно чаще детей, чьи родители имеют высшее образование, отмечают, что сталкиваются с регулярным психическим и физическим насилием в классе (5,0% и 0,0% соответственно, $p = .0000$). Помимо этого, они чаще отмечают регулярное психическое насилие со стороны одноклассников (7,5% и 2,0% соответственно, $p = .03$) и эпизодическое психическое и физическое насилие (12,5% и 3,7% соответственно, $p = .01$).

Таким образом, полученные материалы свидетельствуют о том, что социально-стратификационные факторы (образование и материальный статус семьи) оказывают существенное влияние на социальное самочувствие подростка в школе. Представители слабых социальных страт гораздо чаще могут оказаться в зоне риска и стать жертвами школьной травли.

ЖЕРТВЫ БУЛЛИНГА: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАЩИХСЯ В КЛАССЕ

Не менее важно рассмотреть и влияние социального статуса подростка в классе на его социальное самочувствие в школе (см. таблицу 2).

Для определения социального статуса учащегося мы задавали старшеклассникам вопрос: «Как Вы считаете, какую позицию Вы занимаете в классе?». При ответе на него учащимся предлагалось обозначить свою позицию в соответствии с предложенными вариантами ответов: «Я лидер в своем классе», «Многие одноклассники меня уважают», «У меня есть лишь ограниченный круг приятелей», «В своем классе я чувствую себя одиноко».

Таблица 2

Распределение ответов московских школьников на вопрос о наличии у них опыта пребывания в роли жертвы буллинга в зависимости от социального статуса учащегося в классе (%)

	Лидер	Чувствую себя одиноко	P =
Регулярное психическое / регулярное физическое	0,0	5,9	–
Регулярное психическое / эпизодическое физическое	0,0	11,8	,006
Регулярное психическое / нет физического	1,5	14,7	,01
Эпизодическое психическое / регулярное физическое	0,0	0,0	–
Эпизодическое психическое / эпизодическое физическое	1,5	11,8	,03
Эпизодическое психическое / нет физического	24,6	41,2	–
Нет психического / регулярное физическое	0,0	0,0	–
Нет психического / эпизодическое физическое	7,7	0,0	–
Нет психического / нет физического	64,6	14,7	,0000

Как видно из таблицы, подростки, которые чувствуют себя одиноко в классе, значительно чаще сталкиваются с различными формами насилия. При этом подростки, считающие себя лидерами в классе, значительно чаще по сравнению с теми, кто чувствует себя одиноко, отмечают, что они не оказывались жертвами ни психического, ни физического насилия (64,6% и 14,7% соответственно, $p = .0000$). Подобные результаты свидетельствуют о том, что подростки-лидеры чувствуют себя значительно более защищенно и благополучно, в то время как подростки-одиночки чаще всего не имеют возможности благополучно существовать в школьном коллективе, становясь жертвами школьной травли.

* * *

Итак, подведем краткие итоги нашего исследования. Полученные материалы показывают, что более половины старшеклассников в том или ином виде подвергались психологической и физической агрессии со стороны одноклассников.

Анализ данных показывает, что возможность стать жертвой школьной травли определяется целым рядом как демографических, так и социально-стратификационных факторов. Это позволяет сделать один из ключевых выводов, который состоит в том, что современная школа является достаточно жестким социальным институтом. Более слабые в социальном отношении группы чаще оказываются в стенах школы в зоне риска.

Важными, на наш взгляд, являются и результаты, фиксирующие влияние социокультурного контекста. Так, анализ ответов учащихся русскоязычных школ Риги и школ, где преподавание ведется на латышском языке, показал, что организация образовательного процесса, ориентированная на разделение учащихся по национальному признаку, может привести к усилению проявлений школьной травли по отношению к представителям других национальностей, оказавшихся в данной школе.

И наконец, следует подчеркнуть один достаточно принципиальный момент, касающийся последствий влияния школьной травли. Заметим, что основная логика анализа полученных материалов строилась относительно влияния тех факторов, которые усугубляют для подростка риск стать жертвой агрессии. Однако есть и другая сторона вопроса: подросток, испытавший коллективное унижение, может впоследствии и сам стать

агрессором, склонным к унижению другого. И здесь вернемся к эпиграфу. Как писал Карл Густав Юнг, «здоровый человек не издевается над другими, мучителем, как правило, становится перенесший муки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе.— М.: Институт практической психологии, 1996.— 551с.
2. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т.4.— М.: Педагогика, 1984.— С. 244-268.
3. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа.— 2006.— № 11.— С. 15-18.
4. Кутузова Д.А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Журнал практического психолога.— 2007.— № 1.— С. 72-90.
5. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия.— СПб.: Питер, 2001.— С. 240-276.
6. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 т.— М.: Педагогика, 1983-1985.
7. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т. VIII. Вып. XIII/ Под ред. В.С.Собкина.— М.: Центр социологии образования РАО, 2003.— С. 69-119.
8. Собкин В.С., Маркина О.С. Фильм «Чучело» глазами современных школьников // Труды по социологии образования. Т. XXIV. Вып. XXV.— М.: Институт социологии образования РАО, 2010.— С. 118.
9. Собкин В.С., Смыслова М.М. Эмоциональные особенности национальной самоидентификации старшеклассников (по материалам кросскультурного исследования учащихся школ Москвы и Риги) // Труды по социологии образования. Т. XV. Вып. XXVII.— М.: Институт социологии образования РАО, 2011.— С. 59-74.
10. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека (Этика коммунистического воспитания).— М.: Педагогика, 1990.— 288 с.
11. Сухомлинский В.А. Методика воспитания коллектива.— М.: Просвещение, 1981.— 192 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы.— М.: Прогресс, 1989.— 272 с.
13. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского).— М.: Тривола, 1994.— 168 с.
14. Craig W.M., Harel Y. Bullying, physical fighting and victimization // Young people's health in context. Health Behaviour in Schoolaged Children (HBSC) study: international report from

- the 2001/2002 survey / edited by Candace Currie // Health Policy for Children and Adolescents.— год.— № 4.— P. 133–145.
15. Lines D. The Bullies. Understanding bullies and bullying.— London; Philadelphia: Jessica Kingslwy Publishers, 2008.— 220 p.
16. Olweus D. Bullying at school. What we know and what we can do.— Oxford: Blackwell, 1993.— 135 p.
17. Roland E., Munthe E. Bulling: An International Perspective.— London: David Fulton, 1989.— 224 p.